

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-4-903-910

Транснационализм и интернационализм: возрождение понятий*

В.В. Бабашкин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
просп. Вернадского, 84, Москва, 119606, Россия
(e-mail: babashkinvv@outlook.com)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу «“Жить в двух мирах”: переосмысливая транснационализм и транслокальность» (М.: НЛЮ, 2020. 259 с.). Рецензируемая книга стала одним из результатов исследовательского проекта «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в современной России», работы в рамках которого проводились на базе Европейского университета в Санкт-Петербурге в 2015–2017 годы при поддержке Российского научного фонда. В рецензии убедительно показано, что коллективу авторов, чьи статьи составили научную монографию, действительно удалось переосмыслить стоящие за социологическими терминами «транснациональная миграция» и «транслокальная миграция» сложные социальные феномены. Автор рецензии, опираясь на коллективную монографию, пытается ответить на вопрос о причинах введения в теоретический научный лексикон рассматриваемых терминов и о том, какое направление для их переосмысления предлагают статьи сборника.

Ключевые слова: миграция; транснационализм; транслокальность; национализм; общества

Заявка на то, чтобы при изучении таких явлений, как эмиграция, международная миграция, возвратная и маятниковая миграция в пределах одной страны и т.д., использовать новую терминологию — «транснационализм» и «транслокальность», состоялась в начале 1990-х годов, когда коллективом исследователей была опубликована обоснованная критика классических трудов по проблематике миграции, основывающихся на теории национализма [1]. Предполагалось, и не без основания, что при помощи новой терминологии исследователям будет легче описать и понять некоторые аспекты миграционных явлений, связанных, прежде всего, с процессами стремительной глобализации мировой экономики и международных отношений. Таким образом, изначально понятие «транснационализм» вводилось с целью преодоления — даже на уровне словоупотребления — методологического национализма, под которым подразумевается восприятие национальных государств и их границ

* © Бабашкин В.В., 2021

Статья поступила 24.07.2021 г. Статья принята к публикации 28.09.2021 г.

как чего-то естественно предзаданного и само собою разумеющегося. Этим термином, наряду с такими словами, как «транслокальность» и «трансмигранты», помимо социологов, в англоязычном интеллектуальном пространстве стали пользоваться антропологи, этнографы и политологи, полагая их вполне удачными для фиксации новых важных деталей в рамках предмета своего научного интереса: стратегии развития национальных государств, стратегии выживания расширенных семей, расширения социальных пространств индивидов и т.д.

Во введении авторы приводят подробный обзор дискуссии о том, какое содержание следует вкладывать в понятие транснационализма и стоящую за ним теоретическую концепцию. Дискуссия имеет место в западной литературе вот уже порядка трех десятилетий, и видимая готовность и даже заинтересованность специалистов в области национальных взаимоотношений к этому словоупотреблению лишь нарастает. Но именно это пугает авторов обзора: по их мнению, «популярность транснациональной концепции в миграционных исследованиях рубежа XX–XXI веков привела к тому, что через обращение к идее транснациональности стали рассматривать все варианты международной миграции. Подобная экспансия зачастую выхолащивает эту категорию, делает ее “общим местом”, так что концепция стала терять свой объяснительный смысл» (С. 16). В качестве критической реакции на такое положение вещей не замедлили появиться публикации, призывающие использовать данную научную категорию строго по делу, т.е. для анализа тех миграционных потоков, природу и характер которых целесообразно анализировать с опорой на концепцию транснационализма. Оказалось, что применение этой аналитической категории целесообразно лишь к относительно небольшой части мигрантов и миграционных процессов.

С другой стороны, авторы сборника убеждены, «что использование концепции транснационализма отнюдь не исчерпало себя, а вполне оправданно и полезно именно сейчас и именно для тех сюжетов, которым сборник посвящен. Удивительно, но несмотря на былую популярность концепции в западных дебатах, она фактически была проигнорирована в российских исследованиях» (С. 17). Это, конечно, явное упущение в отечественной науке о национальных взаимоотношениях, однако содержание рецензируемого издания, тематика и качество составивших его материалов вселяют здоровый оптимизм. Тем более что и транснационализм, и транслокальность, кажется, наилучшим образом подходят как раз для целей исследования важных аспектов социального бытия в постсоветском содружестве независимых государств.

Последнее подтверждается оригинальной методологией и логикой рецензируемой монографии: изучались конкретные факты возвратной миграции (или трансмиграции) жителей Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана в Москву и Санкт-Петербург. В фокусе внимания коллектива соавторов было тридцать кейсов, поровну разделенных между этими странами Средней Азии. Ставилась задача одновременного изучения воздействия миграции на самих мигрантов и на членов их семей, остающихся в странах исхода, ради

которых люди и отправлялись на заработки. В мегаполисах с приезжими работали российские социологи, а с их остающейся дома родней входили в контакт узбекские, таджикские и кыргызские исследователи. В последнем случае помимо интервью и неформальных бесед практиковался широкий спектр социологических методик. В рамках изучения каждого конкретного кейса социологи с обеих сторон имели возможность прибыть в другую часть рассматриваемой транслокальности, чтобы непосредственно удостовериться в том, насколько адекватная картина складывается по исследованию в целом, по находящейся в его фокусе «двуединой» реальности.

Главной идеей всех статей сборника стала попытка взглянуть на миграцию в транснациональном/транслокальном измерении, т.е. увидеть жизнь мигрантов, конкретных людей, в разных перспективах — не только там, где они в данный момент работают, но и там, где жили (и куда, вероятнее всего, в большинстве своем вернутся), увидеть коммуникации и социальные/семейные взаимосвязи между разными локальностями, перемещение между ними мигрантов, вещей и денег, постоянный обмен информацией, в том числе при помощи мобильной связи, увидеть смыслы и планы, которые формируются в одном месте, а реализуются в другом, уловить те дополнительные привходящие ценности, которые в ходе всего этого формируются. Такая транснациональная перспектива делает объемным взгляд на постсоветскую миграцию — мы получаем возможность увидеть и понять ее не только с внешней (ограниченной) российской точки зрения, но и с позиции мигранта, который живет в физическом/виртуальном пространстве нескольких стран, а также с точки зрения близких мигранта, которые остаются дома, но продолжают влиять на него.

Вернемся к упомянутому выше ажиотажу, который вызвали в западной литературе, специализирующейся на изучении миграции, слова «транснационализм» и «транслокальность» и стоящая за ними теоретическая концепция. Отклик среди специалистов был настолько значительным, что на рубеже веков можно было говорить о «транснациональном повороте» в исследованиях. Вероятно, это один из тех нередких случаев, когда уместен известный афоризм В. Гюго: «В мире нет ничего более могущественного, чем идея, время которой пришло». Не исключено, что великий француз был вдохновлен на столь остроумное умозаключение, в частности, наблюдая, с какой силой в современной ему Западной Европе работает идея пролетарского интернационализма.

Ссылаясь на обширную исследовательскую литературу по миграции, которая с готовностью стала брать на вооружение концепт транснационализма, авторы подчеркивают, что «осмысление социального сугубо в границах национальных государств ограничивает понимание многообразия социальных миров, поскольку территориальные границы и границы социальных пространств в современном мире, как правило, не совпадают» (с. 11). Было бы, наверное, излишне решительным делать из этого вывод, что ныне под натиском транснационализма по швам трещит та историческая и вполне

современная реальность, которую в советское время было принято обозначать как «буржуазный национализм» (теперь принято говорить просто о национализме, без буржуазности). Более того, показывая особенности концепта «транснационализм» как теоретической линзы и подчеркивая его широкий эвристический диапазон, авторы утверждают, что это слово подходит и для характеристики одной из новых стратегий развития национальных государств. Например, в некоторых странах, откуда происходит возвратная миграция или эмиграция, разрабатываются такие правовые институты, как двойное гражданство, поскольку экономическое, политическое и культурное соучастие бывших сограждан в общественной жизни стран исхода государственным руководством последних нередко поощряется.

Ссылка при этом делается, помимо прочего, на работу Б. Андерсона «Удаленный национализм», опубликованную в Амстердаме в 1992 году. А ведь это тот самый Андерсон, чья книга «Воображаемые сообщества» [2] произвела настоящую методологическую революцию в области теоретического исследования национальной проблематики. Достаточно вспомнить количество ее переизданий и переводов на иностранные языки, включая русский, чтобы понять объяснительную силу данного теоретического подхода при осмыслении одной из самых загадочных сфер человеческого бытия — области национальных отношений. Как пишет автор аналитической статьи, предваряющей текст русского перевода «Воображаемых сообществ» С.П. Баньковская, сама формула, вынесенная в название монографии, содержит настолько новаторский подход, что «дальше, собственно, “можно и не читать” — и так ясно, что национализм обязан своим возникновением не осознанию подлинно существующей между людьми общности, но конструкции, воображению, чему-то, скорее всего, не подлинному и ошибочному» [3. С. 5].

Прежний взгляд на область национальных отношений как на нечто объективно существующее подразумевал и наличие специалистов по исследованию этой объективной реальности, способных отражать ее максимально адекватно, а, следовательно, и возможность научно обоснованных рекомендаций для политиков, которые принимают решения в этой сфере общественного бытия. Однако новейшая история человечества дает слишком мало примеров того (если вообще дает), что такие рекомендации в принципе возможны. Ведь специалистов по их выработке, если следовать железной логике теории прогресса [4], должны были поставлять человечеству системы университетского образования передовых, наиболее прогрессивных стран. А теория эта, как известно, безраздельно утвердилась с конца XVIII века в гуманитарном знании стран романо-германской цивилизации и пришлась ко двору политическим элитам, которые поспешили объявить свои страны таковыми. Все это неизбежно должно было порождать представления о цивилизаторской миссии передовых наций по отношению к отсталым. И эти представления, оформленные в наукообразные общесоциологические теории, прекрасно справлялись с функцией идеологического обеспечения не самых благовидных действий цивилизованных стран в области международных отношений.

Сказать, что с выходом в свет «Воображаемых сообществ» все это стало стремительно уходить в прошлое, было бы проявлением излишнего оптимизма. Прежние теории наций и национальных отношений цепко удерживаются на плаву в политическом лексиконе. Это одна из тех областей гуманитарного знания, в которой парадоксальное единство марксизма и либерализма проявляется особенно отчетливо. Вспомним знаменитую ленинскую фразу из «Детской болезни “левизны” в коммунизме» о том, что русский образец показал всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего. Вспомним, что в этой связи было написано в советских учебниках по научному коммунизму — о возможности для народностей докапиталистической формации превратиться в социалистические нации, «минуя стадию капитализма». И если появится в ответ желание заявить, что перестройка и последовавшие «лихие 1990-е» все это обнулили, попробуем поменять в ленинской фразе «русский образец» на «американский», а ведь на подходе еще и «китайский» — вот вам и единство марксизма и либерализма, коммунизма и антикоммунизма.

Андерсон отмечал, что один из продолжателей богатой марксистской традиции в западной историографии Т. Нейрн пришел к чистосердечному признанию: «Теория национализма представляет собой великую историческую неудачу марксизма» [3. С. 28]. Причина неудачи в том, что ни марксистам, ни их вечным оппонентам из либерально-демократического лагеря в голову не приходило, что определение столь серьезной научной категории, как «нация» (если уж пользоваться именно этим термином для постижения сложных и важных проблем обществоведения), следует основывать не на «базисе», т.е. не на уровне развития технологий материального производства, определяющем характер социально-экономических отношений страны обитания нации, а на «надстройке». «Поступая так, как обычно поступают в антропологии, — пишет Андерсон — я предлагаю следующее определение нации: это воображаемое политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное... На самом деле, все сообщества крупнее первобытных деревень, объединенных контактом лицом-к-лицу (а, может быть, даже и они), — воображаемые. Сообщества следует различать не по их ложности/подлинности, а по тому стилю, в котором они воображаются» [3. С. 31].

Какое все это имеет отношение к главным героям статей, составивших книгу «Жить в двух мирах»? Самое непосредственное. Описываемые люди — таджики, узбеки и киргизы, и дальше задумываешься — как по-русски грамотно продолжить прерванную фразу: «по нации» или «по национальности». Советским студентам гуманитарных факультетов разъяснялось, что нация есть теоретическая категория, пригодная для анализа буржуазного общества, в отличие от докапиталистической народности. Но фразу «таджик по народности» язык не повернется выговорить. Поэтому, чтобы на уровне самой точной из гуманитарных наук и самой гуманитарной из точных (каковой, согласно М.А. Кронгаузу, является лингвистика [5. С. 63–64]), обойти

этот острый угол, советская историография в свое время старательно придерживалась взгляда, что среди всего этнического богатства и многообразия до-революционной Российской империи русские точно были нацией. А всех тех, кто не без основания сомневался в историческом факте прохождения русской деревней (т.е. огромным большинством этнических русских) стадии капитализма в своем развитии (интересно, что по городу подобные сомнения отмечались сразу), стыдили за методологическую несостоятельность. В результате получалась вроде бы строго научная и логичная картина: русская нация дружно демонтировала капиталистический «базис», успешно перестроив его к середине 1930-х годов в более передовой и прогрессивный социалистический. И в ходе этой гигантской перестройки коренным жителям национальных окраин бывшей империи удалось пройти в кильватере, создав при руководящей роли русского народа необходимое условие для перехода в категорию наций — основы национальной экономики.

Эта славная и непротиворечивая картина мира рухнула приблизительно тридцать лет назад и в теории, и на практике. Можно ли ее как-то реставрировать? Убежден, что можно и нужно, но это будет уже иная картина, потому что для восстановления теоретического единства по проблематике постсоветского интернационализма необходимо радикально поменять тот стиль, в котором воображаются складывающиеся ныне отношения между бывшими согражданами по большому многонациональному союзному государству, тот стиль, о котором писал Андерсон. Теперь редко кто вспоминает, что в позднесоветской политической пропаганде добросовестно эксплуатировался штамп «новая историческая общность людей — советский народ». В рамках вульгарного марксизма (который в СССР начиная с 1956 года стремительно приобретал все более вульгарный вид) процесс строительства коммунизма мыслился еще и как успешное преодоление национальных различий между людьми, а не только социальных. Вероятно, это — прямо или косвенно — способствовало «трансмиграции советского типа», когда укреплялась русская диаспора в национальных республиках и национальные диаспоры в России. Политически это приветствовалось, идеологически трактовалось как свидетельство становления нового, продвинутого уровня интернационализма. И это важное историческое обстоятельство обуславливает особую актуальность того, что авторы монографии «Жить в двух мирах» детально и многопланово применяют концепцию транснационализма и транслокальности именно к постсоветскому социуму.

В принципе в каждой из статей, составивших сборник, при желании можно найти достаточно свидетельств того, что транснационализм и транслокальность на исторической почве бывшего СССР в условиях современной постсоветской России отличаются интересной спецификой, которую можно трактовать как пережитки социализма с его дружбой народов либо объяснять как-то иначе. Так, в статье «Жизнь в миграции» М. Ривз пишет, что, познакомившись с молодой супружеской парой из Кыргызстана, мигрировавшей в Москву, изучив оставшиеся на родине связи своих новых знакомых, их

мотивы к миграции и мотивации к труду, она сознательно идет «наперекор тенденции, характерной для нарративов о трудовой миграции в России, — восприятию мигрантов как уклоняющихся от закона сомнительных субъектов (“нелегалов” на бюрократическом сленге) либо как жертв эксплуатации и жестокого обращения», стремясь сфокусироваться «на социальной агентности и этической логике трудовых мигрантов» (С. 30).

Ривз много внимания уделяет теоретическому обоснованию своего подхода и выводов эмпирического исследования, что прослеживается даже по подзаголовкам ее статьи: «Погоня за “честно заработанными деньгами” в эпоху неравенства»; «“Свои чужие”» (о том, насколько ближе работодателям в России жители стран СНГ, нежели гастарбайтеры из дальнего зарубежья); «Ценность труда»; «Деньги и нечто иное». В итоге Ривз выражает принципиальное несогласие со своей коллегой Ф. Пайн, изучающей сельскую Польшу как еще один регион интенсивной миграции и утверждающей, «что миграция по сути противоположна советской социалистической этике», «что миграция сводит на нет ценность труда» (С. 32). Ее кыргызские знакомые имеют не так много оснований признать, «подобно польским мигрантам, описанным Пайн, что миграция “лишает труд моральной ценности”» (С. 39). Есть много здравого смысла в том, чтобы под этим углом зрения присмотреться к главным героям других статей рецензируемой книги, да и в целом к транслокальной трансмиграции в постсоветском социально-экономическом и морально-этическом пространстве.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Библиографический список

- [1] *Glick Shiller N., Bash L., Blanc-Szanton C.* (Eds.). Towards a transnational perspective on migration: Race, class, ethnicity, and nationalism reconsidered // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1992. Vol. 645.
- [2] *Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L.–N.Y., 1983.
- [3] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
- [4] *Шанин Т.* Идея прогресса // Неформальная экономика. Россия и мир. М., 1999.
- [5] *Кронгауз М.А.* Русский язык: на грани нервного срыва. М., 2009.
- [6] *Троцук И.В.* Миграционные процессы в советском обществе 1960-х — 1980-х годов: наблюдения и прогнозы Т.И. Заславской // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2013. № 3–4.
- [7] *Троцук И.В.* Дискурсивные репрезентации (капиталистических) итогов «китайского экономического чуда» // *Социологическое обозрение*. 2020. Т. 19. № 2.
- [8] *Троцук И.* Дискурсивное конструирование социальной реальности: концептуальные основания и эмпирические приемы разоблачения «скверных» практик // *Социологическое обозрение*. 2014. Т. 13. № 2.
- [9] *Божков О.Б. Троцук И.В.* Постсоветский фермерский интернационал в сельском хозяйстве Север-Западного региона // *Крестьяноведение*. 2020. Т. 5. № 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-4-903-910

Transnationalism and internationalism: Revival of the terms*

V.V. Babashkin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vernadskogo Prosp., 84, Moscow, 119606, Russia
(e-mail: babashkinvv@outlook.com)

Abstract. The article is a review of the book *“Living in Two Worlds”: Rethinking Transnationalism and Translocality* (Moscow: NLO; 2020. 259 p.). The book was one of the results of the research project “Transnational and translocal aspects of migration in contemporary Russia” conducted at the European University of Saint Petersburg in 2015–2017 with the support of the Russian Science Foundation. The review convincingly shows that the authors of this scientific monograph really succeeded in rethinking the complex social phenomena behind the sociological terms ‘transnational migration’ and ‘translocal migration’. The author of the review tries to answer the questions about reasons for the introduction of these terms into the theoretical scientific discourse and about directions the articles suggest for their rethinking.

Key words: migration; transnationalism; translocality; nationalism; community

Funding

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.

* © V.V. Babashkin, 2021

The article was submitted on 24.07.2021. The article was accepted on 28.09.2021.